

ПЭТ КЭДИГАН

ОНКОТАНГО

Часть сборника: Неприкаянные письма (сборник)

Пэт Кэдиган
Онкотанго

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-312.9
ББК 84(0)-44

Кэдиган П.

Онкотанго / П. Кэдиган — «Эксмо», 2015

Пэт Кэдиган трижды удостоивалась премии «Локус», дважды премии Артура Кларка, а совсем недавно – премии «Хьюго» и японской премии «Сейюн» («Гуманность») за лучшие научно-фантастические произведения года. Автор пятнадцати книг, она перебралась из американского Канзас-Сити в британский неприветливый урбанистический Северный Лондон, где и живет последние двадцать лет со своим мужем, тем самым Крисом Фаулером, и Джентльменом Джиксом, самым невозмутимым черным котом в городе. С ней можно связаться в Фэйсбуке и Твиттере по @cadigan, и она на самом деле дала пинка неизлечимому раку ягодиц; во всяком случае – на текущее время.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(0)-44

© Кэдиган П., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Пэт Кэдиган Онкотанго

Жизнь, бывает, заносит в пороговое пространство. Когда и случаются всякие дерьмовые странности.

Вообще-то я считала это сдвигом восприятия. Онколог берет и сообщает тебе, что рак матки, который медики полагали пропавшим, вернулся; как ожидается, жизнь твоя продлится (возможно) года два. Вот тут система понятий личности и меняется до неузнаваемости: ее определяет то, чего ты прежде не испытывала никогда.

Не стану говорить о чьих-то еще переживаниях, но вот вам мои: когда появляется ребенок, узнаешь, что́ важно. И это, друг мой, проклятушая тайна жизни. Уверена, есть иные способы прознать про это, я же узнала вот так. И я решила, что это Большое Дело: мне никогда не сотворить ничего более проникновенного, чем материнство. Мне ни разу и в голову не приходило, что Большие Дела это не только то, что ты делаешь: они еще и происходят с тобою.

Онкоцентр Макмиллана в Лондоне – место вполне славное. Ему придали вид гостиничного фойе или, может, читального зала библиотеки. Я бывала в служебных помещениях «Гугл» (или как он там еще зовется) в восточном Лондоне (можно обратиться туда или отыскать что-нибудь еще), так Центр Макмиллана поприличней будет. Отличное было б место провести время, если б жаба не душила всякий раз, когда туда приходится идти.

Я знала, что это рак. За год до этого мы сошлись с раком матки, и тогда о нем позаботились с помощью гистерэктомии¹. Просто я не знала, то же ли это самое или что-то новое. Мысли в голове ворочались вроде таких: «А я полысею?», или «А есть где специальное место, чтоб купить такие шарфы на голову с надписью «У меня рак?»», или «Будет ли меня выворачивать настолько, что я и в самом деле вес сброшу?» – вот такое дерьмо. А потом онколог, эта славная леди в изящном шерстяном платье, еще изящнее дополненном набивным шарфом, золотой брошью и простыми черными лодочками на низком, но внушительном каблуке, сообщает, что мне светят два года. И потом добавляет: «Возможно, и меньше».

Медсестра из Макмиллана звонит мне, когда я в автобусе возвращаюсь домой. Она потрясная, медсестра моя из Макмиллана, но я говорю, что перезвоню ей позже: ну не вдохновляет меня посвящать сидящих вокруг незнакомых людей в содержание повести о моем горе. Но когда она дает отбой, думаю, а не поговорить ли вслух с отключившимся телефоном, будто медсестра все еще на проводе, – просто для того, чтобы вывалить все это из себя: «Онколог сказал то-то и то-то, а я сказала то-то, и сейчас я чувствую... ля-ля, ля-ля, ля-ля. Вы, значит, считаете, что у вас день не удался? Взбодрись, пилигрим, могло быть хуже!» Но не говорю.

Удача меня почти совсем не балует, а если и достается когда, то нет в ней ни шиша хорошего. Телефон, наверное, зазвонил бы посреди моего печального монолога. Изобразив трагическую героиню, я выдала бы концовку истории из реальной жизни, которую потом, наверное, ветром Интернета занесло бы на «Ютуб», по милости чьего-нибудь мобильного. Жизнь готова прикончить тебя безо всякого позыва с твоей стороны, так зачем искушать судьбу и унижать себя до того, как уйдешь?

Когда я добралась домой, мой сосед снизу, Тим, возился в садике. Он славный парень, еще не дотянувший и до половины моих лет, зато успевший на ту же половину вытянуться выше ростом. Обычно я останавливаюсь поболтать с ним, но не сегодня. Знаю: стоит мне рот

---

¹ Удаление матки.

открыть, как из меня фонтаном забьет, а мы с ним не настолько хорошо знакомы для такого рода откровений. Славный малый, он, наверное, позвал бы меня на чашку чая и сочувственно выслушал бы, но сейчас мне этого не вынести. Плюс, как я сказала, он вполнину меня моложе: думает, наверное, что шестьдесят два – это возраст старческий. Так что я улыбнулась, постаралась изобразить жуткую занятость, не дающую остановиться и поболтать, и скользнула к себе за дверь, едва с замками справилась. Приходил и ушел почтальон, оставив мне единственный желтый конверт на коврик у начала лестницы. Адрес был перечеркнут двумя жирными синими чертами, и черным фломастером приписано слово «Скончалась?».

– Нет еще, спасибо вам большое, – сообщила я конверту, поднимая его. На нем карандашом было написано число, похожее на какой-то порядковый номер – мне он ни о чем не говорил. Черными чернилами, другим почерком выведено: «По данному адресу больше не проживает», – а ниже что-то вроде имени или инициалов – «Джеп».

– Эй, не считай кого-то умершим, – ругнула я конверт и включила верхний свет, чтоб разглядеть, кому он адресован.

Сержанту уголовной полиции (в отст.) Майклу Паррису
Оак-Хаус
Стэйшн-Роад
Фишпондс
Бристоль

Одна из жирных черт проходила по почтовому коду, а потому разобрать его я не могла, да это и не важно. Я не знаю никого в Бристолье. И не знаю я никаких полицейских, хоть в отст., хоть еще каких. Перевернула конверт, но на обороте не было ничего, кроме «Вернуть отправителю», – тем же синим цветом, что и линии, перечеркнутые адрес.

– Не тот отправитель, – говорю. Уже собралась приструнить себя за то, что болтаю вслух, будто полоумная леди-старушка, как заметила, что конверт был вскрыт, а марка или платежный штамп с него срезаны. Вот-те раз, ахнула, до чего ж слепая стала. Надо бы этому, как его там, показаться.

Раздумывая, не спросить ли Тима, не ему ли это послание, все же высвобождаю содержимое себе на ладонь. День у меня выдался крутой, и есть настрой на дешевенькую щекотку нервов от чтения чужого письма. Понятия не имею, чего такого я ожидала: поздравительной открытки ко дню рождения с вложенной в нее пятеркой, или любовного послания, или записки от ребенка сержанта уголовной полиции (в отст.) Майкла Парриса с просьбой о деньгах. Все то, что мне досталось, я разложила на кухонном столе. Не так-то много. Два листка бумаги, один – оторванные полстранички с запиской:

Майкл
Пожалуйста, помоги
К
хх
Мне не звони

Я глянула бумажку на просвет, но не было ни водяных знаков, ни следов, указывавших, что на листе, лежавшем сверху, что-то писали.

Вторая бумажка была почтовым листком. Логотип в правом верхнем углу гласил: «Гостиницы «Четыре столпа». Я о такой гостиничной сети не слыхивала, но на свете много такого, о чем я не слыхивала. В нижнем левом углу имелись старательно сведенные в узор каракули: полная абстракция, зато у черкавшего были подлинные художественные способности. Я надела очки для чтения, чтобы рассмотреть получше, и обнаружила, что никакая это не абстракция, в общем-то. В самой плотной части всех черточек, волнистых линий и

решеток читалось одно-единственное слово: «УБИЙСТВО». Писавший прошелся по каждой букве по несколько раз, отчего они сделались выпуклыми.

Пониже рисунка, как будто листок повернули, чтобы рисунок оказался сверху, значилось:

СРЕДЫ

18:00

«Стелла» – 47

30756

Третья вещица из конверта вызвала недоуменный вопрос: что еще за хрень? Пластиковая карточка, вся черная, кроме тисненного на ней кружка (то был именно кружок, а не кольцо), металлически отливающего серебром, диаметром около дюйма². Другая ее сторона была цвета красного кирпича (или, может, красной, как засыхающая кровь) с черной намагниченной полоской и напечатанными мелким-мелким шрифтом «Правилами и условиями». Эти самые «ПиУ», однако, были тщательно соскоблены и закрашены черным. И, словно этого было недостаточно, кто-то пробил в карточке крохотную дырочку насквозь и приладил к ней на шнурке старомодное пропускное свидетельство. На пропуске было крупно написано от руки:

«Номер 47»

Пониже буквами поменьше: «*НЕ гостиница... принадлежит «КЛУБУ ВЕЧНОСТИ».

«Клуб Вечности»? И о таком я никогда не слышала, зато, учитывая, что мне сегодня довелось выслушать, место это определенно было для меня, как на заказ.

Ныне Лондон запаршивел закрытыми частными клубами, самый известный из которых – «Клуб Граучо», назван в честь брата, Маркса Граучо, объявившего во всеуслышание, что не желает вступать ни в один клуб, членом которого окажется кто-нибудь вроде него. Есть еще и пропасть других, и везде на членские взносы уходят целые состояния, с тем чтобы никто не испытывал унижения от принадлежности к клубу, куда вхожи людишки с банковскими счетами вроде моего (или вашего). Большинство из них настолько закрытые, что обыватели типа меня и не слышали о них никогда. Ничего страшного: мои мысли и без того всегда заняты отнюдь не частными клубами. Впрочем, как-то одна приятельница сводила меня в «Граучо» как свою гостью, и, вздумай я вступить в клуб, я бы выбрала этот: народ там подобрался классный.

Но после слов докторицы, что светят мне, может, всего два года, место с названием «Клуб Вечности» определенно будит во мне интерес.

Не то чтобы я хоть как-то представляла себе, что это на самом деле такое. Черная карточка напомнила мне суперскую «Америкэн экспресс», ту, что на несколько порядков выше платиновой и до того элитная, что просто сплошь черная: эдакое «маленькое черное платье»³ среди кредитных карт. Только эта не была пустой.

Я переводила взгляд с записки Майклу на рисунок, а потом на карточку с подвешенным пропуском. Перекладывала их перед собой на столе, будто это могло о чем-то мне сказать. И ведь гром меня разрази – и впрямь сказало. Конверт я оставила на столе, так что, поместив записку из гостиницы прямо под ним, увидела, что «По данному адресу больше не проживает»/ «Джеп» и «СРЕДЫ»/ «18–00»/ «Стелла» – 47»/ «30756» – все это написано одним и тем же почерком.

---

² 1 дюйм равен 2,54 см.

³ Созданное в 1926 г. Коко Шанель черное платье стало символом ее стиля и брендом мировой моды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.